

ЭСХАТОЛОГИЯ В НАРОДНОБИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ БЕЛОРУСОВ (ПО СОВРЕМЕННЫМ ЗАПИСЯМ)

INNA SZWED

Państwowy Uniwersytet im. A. S. Puszkina w Brześciu

ESCHATOLOGY IN FOLK BIBLICAL TRADITION OF BELARUSIANS (BASED ON CONTEMPORARY RECORDS). The paper analyses several modern Belarusian peasant eschatological narratives. The presented sources show that traditional apocalyptic characters and plots are organically intertwined with rationalistic notions of environmental and social disasters and thus tend to offer a logical explanation of the depicted events. In the eschatological narratives, which prevail in urban environment, rationalistic interpretations displace the pre-existing mythological and religious motivations of Doomsday. The mythologised and rationalistic interpretations emphasise people's responsibility for the end of the world – a global catastrophe that could be caused by supernatural powers, natural or man-made causes, directly or indirectly imposed on sinners.

Keywords: eschatology, signs of the end of the world, *the People's Bible*, Belarusian folklore.

*Там ужэ будзець дзюжа плохо, як еты бязбожнікі будуць:
і голад, і мор будзець, і вада кроўю будзець...
(з традыцыйнай эсхаталогіі)*

Народнобиблейские тексты трактуют различные библейские события и образы с точки зрения носителей традиционной культуры устного типа. Как показывает собирательский опыт, а также замечания таких современных исследователей, как О. Белова [2004], Д. Громов [2003], К. Мельникова [2003], Е. Боганева [2010], нередко рассказ о Библии смыкается с эсхатологическим нарративом – предсказанием конца света. Чтение Библии в народной сельской культуре устойчиво ассоциируется с процессом получения информации о будущем и сливается с эсхатологией: *Да то Святое Пісаньне пісалоя. Шо нэбо будэ змотано дротом. Хто то верыв?* [Боганева 2010: 11].

Тут имеется типичная для нарративов о Библии ссылка на *Святое Писанье*, где предсказываются изменения мира перед его концом. Но поскольку в реальной Библии таких предсказаний не существует, то носители традиции обычно ссылаются на гипотетическую *старую Библию*, довоенную, которую читали раньше в церкви, которой владели знающие люди и которая существенно отличалась от *современной*, содержала пророчества о будущем и характеризовалась определенной эзотеричностью: *А тая ж Библия да вайны была. Ужо ж так там яшчэ не кажды прачытае словы...* [Боганева 2010: 11]. Сходные представления находим в *Стихе о Голубиной книге*, начало которого включает повествование о падающей с небес на землю гигантской книге, в которой изложены все тайны мироздания, – ее не обозреть очам, не осмыслить умом.

Что касается обобщения широкого исследовательского опыта в сфере эсхатологии и соответствующей библиографии, то они вполне презентативно представлены в монографии И. Желтиковой и Д. Гусева [Желтикова – Гусев 2011]. Результаты фольклористических исследований эсхатологических представлений русских крестьян XIX–XX в., старообрядцев, а также эсхатологических нарративов крестьян различных славянских этносов рассмотрены И. Бессоновым. Для нашего исследования важно, что И. Бессонов, опираясь на наработки В. Проппа, К. Чистова, А. Дандеса, Б. Кербелите, Н. Криничной, И. Силантьева, В. Тюпы, С. Алпатова, Н. Котельниковой, И. Райковой, Ю. Шеваренковой и др., описал схему основного эсхатологического сюжета, его тем и мотивов [Бессонов 2010]. Многие звенья этой схемы, а также наработки названных авторов принципиально важны и использованы в данной статье для описания белорусских народных эсхатологических нарративов.

Эсхатологические легенды, – справедливо отмечает О. Белова, – *завершают цикл „народной Библии”, так же как текст Апокалипсиса венчает канонический библейский текст. В текстовом пространстве „народной Библии” этиология (космогония) и эсхатология (конец света) составляют рамочную конструкцию, полюса которой зеркально отражают друг друга. Так, дни недели, связанные в народных представлениях с сотворением мира, оказываются и датами конца света. Легенды о пауке, который „свет сновал”, совмещают мотивы, связанные с первотворением и уничтожением мира* [Белова 2004: 389]. Снятие предельного обострения всех существующих в мире противоречий в эсхатологической мифологии индоевропейских народов, как широко отмечается в литературе вопроса, происходит посредством губительного воздействия на мир первостихий: воды, олицетворяющей хаос, и огня – очищающей стихии. В таких контекстах высвечивается зеркальный параллелизм эсхатологии с космогонией, на который указывал Е. Мелетинский [Мелетинский 1998: 192]. Возникновение благоустроенной Вселенной связано с этими первостихиями,

ими же она будет возвращена к первоначальному хаосу – космогония приобретает обратную направленность.

В белорусской фольклорной традиции универсальные эсхатологические мотивы деградации мира в последние времена, войн и раздоров, переворачивания общественной иерархии тесно переплетены с христианской богословской (книжной) традицией и постоянно дополняются рациональными трактовками – признаки наступления последних времен видятся в природных и техногенных катастрофах, неурожаях, болезнях растений, животных, людей и под. Эти явления природного и техногенного характера трактуются информантами не только как признаки будущей гибели Земли и людей, но и как условия, мотивирующие неумолимое приближение конца света. В образно-символическом строе устных нарративов о конце мира кроме традиционных фольклорных сюжетов и символов активно обыгрываются образы Апокалипсиса (новозаветной книги Откровения Иоанна Богослова), объединенные темой Божественной кары заблудшему миру (снятие семи печатей, четыре всадника, трубящий ангел, серп, жнущий землю, семь чаш гнева Божия, Вавилон, Антихрист, последняя битва, зверь из бездны, саранча, звезда *Полынь* и др.). Интересно отметить, что в ряде текстов эсхатологические прорицания могут вкладываться в уста Иисуса Христа (признаки конца света: мир будет опутан железной паутиной, появление птиц с железными клювами, войны, болезни, голод, отступление от веры, нарушение норм традиционной морали и под.). Так, в духовных стихах ученики спрашивают Христа о последних временах, например:

Христос вышел с храма со учениками
 Пред смертью своей,
 С полными скорбями, с печальными словами
 Учил своих любимых друзей.
 – Скажи нам, Учитель, последнее слово
 Пока ещё с нами живёшь,
 Скажи нам, Учитель, когда это будет,
 Когда Ты судить мир прийдёшь?
 – Услышите про войны, про смуты военные,
 Восстанет город на город,
 И будут болезни, и голод, и холод,
 И братская кровь потечёт.
 Уменьшется вера,
 Потухнет надежда... [ФА; Лыщицы Брестского р-на].

В нарративах учительная деятельность Христа сравнивается с пропагандой, которую проводили Ленин и его соратники; за эту деятельность – оба – и Ленин, и Христос пострадали от идейных противников – евреев/иудеев:

...Как Ленина убила еврейка, так Иисуса Христа предал Иуда-еўрей, за трицать сребренникаў. Ужэ Юду падкупили – ён жэ был учэник. Як Ленин хадил са сваімі саратнікамі, так Ісус Хрыстос хадил са сваімі учэнікамі. *Буде, – кажэ, – паўтина, драты, буде па ўсем свеце; будуць птыцы лятать с жалезнымі дзюбкімі.* Эта Ісус Хрыстос диктавал сваім учэнікам [Белова 2004: 393].

Белорусские, как и русские [Бессонов 2010], народные рассказы об эсхатологической эпохе разрабатывают темы: *Испорченный мир, Чудесный мир, Перевернутый мир, Заколдованный мир и Страдания и катастрофы.*

Испорченный мир. Согласно традиционным народным представлениям белорусов, мир в эсхатологическую эпоху необратимо ухудшается, деградирует. Практически во всех проанализированных нами белорусских текстах этой тематики испорченность мира подчеркивается посредством указания на деградацию окружающей среды и обезлюдение Земли.

А патом, пад канец, помню, што будзя малы прыплод у людзей. Будут мала раджаць людзей. Будзя нікнуць паціхоньку, будуць падаць, як мухі, без вайны людзі, будуць гінуць [Боганева 2010: 139].

Внешне живая природа будет казаться прежней, растения будут развиваться, расти, но урожая, необходимого для поддержания жизнедеятельности людей, не будет. Болезни поразят и урожай, и людей: *Будзе расці, цвісці ўсё, будзеце цешыцца, но есьці не будзеца, не будзе чого есці... Ўродзе бы ў вырасла, но яна ўжо бальная* [Боганева 2010: 139].

В таких нарративах нередко осмысление и оценка настоящего происходят посредством сравнения с прошлым. И это сравнение всегда в пользу прошлого, которое может трактоваться как время социальной и природной гармонии (ср. мифологему *золотого века*), богатства природных запасов, плодородия, неоскверненности, чистоты и святости земли (ср. мифологема *мать-земля*), здоровья, физической силы, долголетия людей и под. Информанты подчеркивают, что по сравнению с прошлым в наше время на небе стало значительно меньше звезд, но и те, что остались, светят не так ярко, как раньше; в большие календарные праздники (Пасха, Купалье) все реже

можно увидеть *игру* солнца (либо эту *игру* могут созерцать только безгрешные люди). В дикой природе (лесу) стало меньше животных, грибов, ягод, орехов, лечебных растений, из рек и озер ушла рыба; урожаи полей уменьшились из-за засух, наводнений, *испорченности* почвы, нашествия вредителей. Меньше стало даже мух: *Тэпэр і мух чогось нэма. [Колысь] маты возьмэ (в колышкі булы такіе плеценые) і на плечы возьмэ – і обід, і цэлы дэнь трэба жаты жыто. А мухы ў дытыны і на очах сядаюць, і на губах...* [ФА; Большие Радваничи Брестского р-на].

Часто рассказывают также, что по сравнению с недавним прошлым (до революции 1917 г., воссоединения Западной Беларуси с БССР (*пры Польшчы*) либо до Второй мировой войны) стало меньше не только диких животных, но и иномирных пришельцев, генетически связанных с душами умерших людей. Например, *пры Польшчы*, как нам рассказали жительницы д. Гута Брестского района, часто в *глухую ночь* (с 24 до 2 часов ночи) *показывались* паны и паненки ростом в 1 метр, в шляпах, а сейчас их почти не видят. После прихода советской власти реже стали людям являться русалки [ФА]. Но обычно рассказы о количественном сокращении визитов сверхъестественных существ, в отличие от рассказов об уменьшении богатств природы, количества звезд на небе, лишены оценочности и не связаны с эсхатологическими ожиданиями.

Маркером испорченности мира выступает также физическая деградация людей (которые в начале времен были великанами, кроме больших размеров (их метровые кости при раскопках якобы находят археологи), они были наделены здоровьем, огромной физической силой, например, когда строили свои жилища, перекидывали друг другу огромные валуны с одного берега реки на другой). В мире, приближающемся к своему концу, людей будет рождаться все меньше, а родившиеся, будут иметь маленький рост, будут болеть, терять жизненные силы, чахнуть и *людзі будуць падаць. І з хваробаў, і з бояў, і з усяго будуць, як мухі, падаць* [Боганева 2010: 139]. Свидетельством тому, что до конца остались считанные годы, является то, что половину людей уже *задавила* радиация, а остальные *уміраюць і не знаюць: у того рука, у того нога, у того кров, – всі бабі, всі мужчіны больныя. І в песні поется: „І прійдуць болезні і горі, і морі, і брацкая кроў поцечет...”* [Боганева 2010: 137]. Образ яблони, на которой после трясения, осталось очень мало яблок, используется информантом для обозначения малого количества оставшихся после эсхатологических катаклизмов людей: *[Людзі] астануцца так, як на атрасенні яблыкаў у садзі. От як залезеш трасці, і така астанецца людзей* [Боганева 2010: 139]. Деградация физической природы человека и окружающей среды в большинстве нарративов связывается с нарушением нравственных устоев, норм морали, обесцениванием человеческой жизни, взаимопонимания людей, отступничеством от Бога, веры, *цяпер жа ж серца нет, як*

камні сядзяць [Боганева 2010: 133]; *А бабы колысь позбіраюцца, так сейчас ныхто не ходыць, ныхто ні до кого нічога – тэлевізоры тые. А раньчэ сусід до сусіда ходыв* [ФА; Большие Радваничи Брестского р-на].

Чудесный мир. Различными чудесами, природными и социальными аномалиями будут обозначены *последние времена*. Даже само время изменит свой ход – чем ближе к концу света, тем оно летит все быстрее. Ход солнца, с которым связан ход времени, также кардинально изменится, и это описывается посредством инверсии членов оппозиции *восток/запад*: *Гаварылі, што... сонца не будзе там заходзіць, дзе ўсходзя, а будзе там усходзіць, дзе заходзя* [Боганева 2010: 13]. Другая астрономическая примета конца света – это появление молодого месяца (либо безлунье) на Пасху – *Як на Паску будэ чэрнэць, ўсёму сьвіету будэ конэць* [Белова 2004: 398].

Следующая реализация темы *Чудесный мир* – это мотивы, связанные с техническими нововведениями XIX – нач. XXI вв., которые в устной традиции приписываются чужому, нечистому миру и трактуются как чудеса. Для раскрытия этой темы привлекаются природные образы птиц, коней, паутины. Отнесение этих *животных* и их выделений (паутина) к сфере отрицательно оцененного не-живого, их отчужденность и демонизация происходят посредством приписывания им такого качества (характеристики), как железные. Интересно, что даже аисты, традиционно воспринимаемые как птицы святые [Валодзіна 1997: 200–209], приносящие счастье, трактуются как железные рогатые демоны – враги людей (военные самолеты):

Когда солнечное затмение было, говорили старые люди, то оказия буде, то Бог пошлёт войны, болезни на людей. И будут железные буськи летать з железными рогами и людей будут убивать [Белова 2004: 393].

Согласно рассказам, эти железные *животные и птицы* будут вести себя по прежнему (птицы – летать, кони – ходить по полю и т.д.):

Дзеткі, скоро ўжо нешта будзя. Патаму што усё савяршаецца... Будзя жалезны конь на поле хадзіць... Ну як гэта – зробяць жалезнага каня? Ну, ніхто ж паняція не меў, што гэта за конь! [Боганева: 2010: 139].

Если плетение пауком-демиургом паутины в первовремена положительно осмыслялось как первоначальная фаза космогенеза, когда устанавливались связи между всем живым и Богом (поэтому по сей день в некоторых местностях Беларуси запрещено

убивать пауков и рвать паутину), то, согласно ряду славянских легенд, вторичное затягивание мира паутиной мешает жизни людей (из-за паутины они не видят дороги, истины и т.д.). В некоторых регионах Беларуси могут считать необходимым убивать паука, потому что он снует новый мир, а это грех. Усиление негативной коннотации этих мифологических представлений в эсхатологических нарративах происходит посредством указания не только на вторичность создания *всемирной* паутины, но и подчеркивания ее демонической природы – опутывающая мир (небо) сеть маркируется как железная – это провода.

Да то Святое Пісаньне пісалоя. Шо нэбо будэ змотано дротом. Хто то верыв? Шчо жэлэзны птушкі будуць лэтать. Потом, што жывы мэртвому будэ завідуваты [Боганева 2010: 133].

Интересно, что как в космологических легендах, так и в эсхатологических предсказаниях может использоваться один и тот же глагол *сновать* – паук сновал мир, и в последние времена мир *оснуется паутиной*, но она будет железной: *Вот, сынок, прыйдзе такая ўрэм'я, оснуецца сьвет павуціною, і будуць лётаць жэлэзныя пташкі по небу* [Боганева 2010: 134]. В плане отсылки к идее снования нитками показательно следующее предсказание:

[Казав], шо будэ всёй світ ніткамі поснованы – ну, шо провода будут везде. Чорные пташкі будут лэтатэ і тое людям головы клюваты – это самолёты [ФА; Леплевка Брестского р-на].

Свободно распростирающийся со времен творения белый свет *когда-то сплещётся, всё равно, как павуки плетуцца, о так. Потому шо тоды нічого не було – ні электрїчества, ні радїва, ні телефонов, нічого ж не було*. Изуродованной техногенной цивилизацией мир будет *обтянут телефоном* [Боганева 2010: 137, 141].

Как и образы паука-демиурга, снующего *всемирную* паутину, так и образы *железных коней* и *железных птиц* (*ворон, аистов*) имеют древние мифологические корни, фигурируют в традиционных жанрах фольклора – сказках, загадках, заговорах (например, в заговорах *ад хвароб жывёлы* иномирная птица (ворон или орел) медным клювом, серебряными когтями выдирает болезни; в загадке железный конь – это трактор). Вместе с тем эти зооморфные образы восходят к четырем всадникам и саранче Апокалипсиса.

Железные кони могут заменяться железными печами: *А і будуць яшчэ жалезныя печы хадзіць па полі – гэта ж ужо во трактара* [Боганева 2010: 132]. Образы

железных печей и железных воронов могут контаминироваться (печи каркают) и обозначать самолеты, в том числе прилетевшие в Беларусь в 1941 г. со свастикой на крыльях и принесшие смерть (в других нарративах смерть в результате военных действий во время Второй мировой войны несет апокалиптический конь). Эти железные предметы воспринимаются как атрибуты Антихриста. Согласно легенде, бытовавшей еще в начале XX вв. в Западной Беларуси и обыгрывающей образность книжных сочинений (см.: переводное византийское *Откровение Мефодия Патарского*, III–IV вв.), *черт*, или *жидовский Мессия* (т.е. Антихрист), родится в конце времен у одной еврейки после семилетней беременности, сразу после рождения станет ходить, делает себе воз с железной печью, будет ездить по свету и обращать людей в свою веру. Тех, кто будет противиться, он будет бросать вилами в печь. Тому, кто согласится, он даст свой знак [Белова 2004: 389].

Характерно, что рассказы о технических новшествах как признаках конца времен часто непосредственно перетекают в констатацию того, что неожиданным для носителей традиции образом была испорчена окружающая их природа, загрязнены реки, вырублен лес, и люди стали болеть:

...І такі прыйдзе час, што будзем мы жыць, а будзем чуць, што ў Маскве будзе. Ну хто гэта знаў? І што будзе так: лес высыкуць, што ад нас будзе Залесьсе відаць. Ну і відаць жа ж, як станеш дзе... Зямля ўся будзе правадамі скрэшчана і людзі будуць балець [Боганева 2010: 132].

Далее тема антиприродной и античеловеческой направленности техногенной цивилизации расширяется респондентом за счет апелляции к трагедии Чернобыля. Мотив использования атома, химии приобретает вполне отчетливые эсхатологические коннотации, причем подчеркивается, что химия используется даже вместо навоза, добавляется в хлеб, а раньше этого не было [Боганева 2010: 132]. В конце времен врагом человека станут не только техногенные объекты, но и природные. Так, саранча в устных нарративах часто представляется не железной, а *обыкновенной*, такой, как мы видим на растениях. Но ее эсхатологические коннотации подчеркиваются тем, что насекомые в огромном количестве падают с небес.

Прышлі прыметы ўжо, і на Землю пала шаранча. Еслі шаранча пашла па зямлі, это блізка ўрэмя. Яна ўніштожыць усё жывое, і будзе вялікая засуха [Боганева 2010: 132].

Таким образом, саранча вместе с засухой называется среди важнейших признаков конца света и трактуется как его причина (подразумевается, что саранча и засуха – это орудия Божьей кары).

Еще одним чудом конца времен будет исчезновение естественной смерти людей, как это было и в начале времен – *золотой век* не знал смерти. Люди не будут умирать, а *будуць завідаваць жывыя мёртвым. Паколецца зямля на шчэля ад жары, і смерць ужо ня будзя, а будуць ад гора, ад мукаў падаць у шчэля* [Боганева 2010: 132]. Ряд чудес связан с непосредственным наступлением светопреставления, в частности знаки на небе, среди которых выделяются отсылающие к христианскому культу Креста. Лучезарный золотой крест на небе дано созерцать только праведникам, ослепленные же грехом его не увидят – ср. эсхатологический мотив выклевывания железными птицами глаз людям [Боганева 2010: 132]. И если лучезарный (*божественный*) крест покажется на небе как знак спасения, то установленные *на небе* безбожниками кресты-антенны – это признак грядущего конца света [Боганева 2010: 136]. Таким образом, даже Крест может трактоваться в негативном плане – если он возникает в результате развития техники, творения Антихриста.

Заколдованный мир. Мотив современной техники как порождения и орудия нечистой силы, Антихриста и его слуг, непосредственно связан с темой заколдованности, закодированности, мира природы и людей, отрекшихся от истинной веры и традиционных морально-этических устоев. В современных эсхатологических нарративах кодирование, зомбирование, людей Антихристом (облик которого может быть подобен змею) происходит с помощью техники, в первую очередь радио (*говорящих стен*), телевизора, компьютера, образы которых моделируются при помощи зооморфного и демонологического кодов: компьютер – это зверь, телевизор в доме – это черт, икона зверя, вход в иной, демонический мир (в похоронной обрядности телевизор и по сей день закрывается тканью, как и зеркало). Если в устных рассказах неэсхатологического характера, как отмечалось выше, утверждается, что в наше время уменьшилось количество ведьм, колдунов, чертей, русалок и вообще контактов с нечистой силой, то в эсхатологических нарративах частотен мотив распространения колдовства, воздействия дьявольских сил как на простых людей, так и на власти. Вместе с тем чародеи, которых особенно много было *пры Польшчы*, также называются антихристами:

Ну і чародеев було тоды, пэрэд савецкай властью, пры Польшчы. Шо хоч, то і сделают. І захворііш, і замуж нэ выдэш. Ну прыдэ, чы дівчына прыдэ дохаты, чы компанія, – на кого злосьць [у маці-гаспадыні], можэ, в еі дочки хлопця нэма, а в еі [дзяўчыны-сяброўкі] есть.

Вот шось зробіть. І всё. Холера іх знае. Анцыхрысты. Воны в Бога нэ віруют, в Матер Божу нэ віруют. А потым вмыраты будэ трудно. То і нэ вмірэ, будэ мучытыся [ФА; Бучемля Каменецкого р-на].

Перевернутый мир. Структура мира в большинстве мифопоэтических традиций описывается как система противопоставлений *хаос/космос, сакральное/профанное, природа/культура, чистое/нечистое, свое/чужое, верх/низ, восток/запад, внутреннее/внешнее, живое/неживое, ограниченное/неограниченное, вода/огонь, вода/земля, свет/тьма, мужчина/женщина* и т.д. Конец мира мыслится как его переверачивание, при котором названные и другие оппозиции нейтрализуются. Например, в нормальном мире окультуренное, *своё*, человеческое поле, в отличие от *чистого, дикого*, имеет межи, наделы, *шнуры*; эти же межи выступают рубежом между человеческим миром и тем светом. Разрушение, перенос меж традиционно считались большим грехом, за который грешника ожидают невыносимые муки на том свете. Но эта структурированность поля (земли) к концу времен нарушится – межи ликвидируют – обобществляют земли, создадут колхозы [Боганева 2010: 135]. Более того, члены перечисленных семиотических оппозиций меняются местами. Например, свет сменяется тьмой, тело – холодом, суша – водой, т.е. процессам космизации, когда были сотворены свет и суша, противопоставляются процессы возвращения к хаосу. В конце времен солнце отдастся от земли и наступит тьма, а вода станет захватывать все больше и больше пространства, *і людзі будуць жыць на вадзе* [Боганева 2010: 140]. Прежние сакральные природные локусы теряют свою святость, переходят в разряд профанных, например сакральные целебные водные криницы перестают излечивать людей.

Тема перевернутости мира реализуется и в пророчествах о том, что произойдет смешение мужского и женского, это проявляется в манере одеваться в костюмы противоположного пола. Уже сейчас люди стали по образу демонов оголяться в общественных местах и даже в церквях и костелах [Боганева 2010: 139].

Здесь был такой старічок, всегда говоріл, што настанет время. Старый сувсём був, Евангілле чытав, гуворыть, шо настаныть врэмя, шо будут голы худыты, ну (*смеется*) девучкі будут голы. То гувурылы, што он с ума сушов. І будут худыты голы, і вупшэ будэ плохо. Я то нэ дожудся, а вы то дуждэтыся. І вжэ о, ходять голы дійствітельно... [ФА; Скоки Брестского р-на].

Между тем, до согрешения Адам и Ева также были голыми, а возникновение у них желания прикрыть наготу, одеться, соотносится с грехопадением (после укушения Адамом и Евой запретного плода у них проявились половые признаки (гениталии, у Евы – груди) и первые люди обвязали свое тело травой, аиром). В современных

эсхатологических нарративах оголение оценивается однозначно негативно и выступает признаком конца света (возвращения к первоначальному состоянию мира). Тема перевернутости, смешения мужского и женского связана с темой ущербности людей в последние времена, которая, среди прочего, проявляется в обрезании женщинами кос, перекрашивании волос, а у мужчин вообще *волосы забрали...* *Ззату палядзіш – хто цябе знаець, ці ты мушчына, ці ты баба* [Боганева 2010: 136]. Для продолжения людского рода Бог оставит только мужчин (поскольку они сильнее) [Боганева 2010: 140]. Не исключено, что на глубинном мифологическом уровне такие нарративы восходят к идее возвращения мира после эсхатологического катаклизма к первоначальному, гармоническому состоянию, когда не было мужчины и женщины – архаическое божество-креатор представлялось двуполым.

Люди своим поведением начинают напоминать животных и чертей. Если ранее черт (дьявол, грех) был внешней силой по отношению к человеку, то теперь он залез в нутро и крутит человеком (так, в курящего вселился бес курения и крутит им, в распутного – бес прелюбодеяния и т.д. [ФА]). Люди сами стали чертями, трудно отличить одних от других. *Коліся сатана ходзіла по [сьвету]. А [цяпер] людзі забралі у срэдін, да носяць. Сатаны вжэ нема, бо она в нас, бо мі сатана* [Боганева 2010: 136]; *Влезе грэх у чловека і вон будзе пред всім гэтым народом... дьявол залезе ў нутро* [Боганева 2010: 140]. *Акаянный завладел всеми людьми, хвостом крутит* [Белова 2004: 392]. Соответственно ад изменил свой хронотоп – мы сейчас живем в аду.

В связи с упомянутой выше трактовкой телевизора как творения Антихриста и репрезентанта, атрибута его самого характерно объяснение, что образы на экранах телевизора – это черти [Боганева 2010: 141]. В эсхатологическую эпоху меняются местами и члены оппозиций *вода/огонь, вода (пот)/кровь*. Земные гидрообъекты вместо воды наполняются огнём либо кровью. Животные будут потеть *кыравым потам* [Боганева 2010: 137]. Хтонические существа, которые отнесены в традиционной картине мира к *гадам*, наделены демоническими свойствами и локативно связаны с землёй (подземельем), в конце времен поднимутся вверх, займут нехарактерное для них место. Так, знаком конца света будет появление большого количества ужей (либо их отпечатков, *рисунков*) на листьях вишни [Боганева 2010: 138].

Страдания и катастрофы. Картины эсхатологических изменений природы, утраты прежней благосклонности к человеку, полезных для него свойств, изображение разбушевавшихся первостихий актуализируются при описании *конца света* как времени невыносимых страданий и ужасов. Чаще всего упоминаются засуха, наводнение, град, пожары, землетрясения и бури, во время которых стираются

с лица земли не только маленькие поселения, но и большие города. Природные объекты, первичные и вечные природные стихии – по логике эсхатологических нарративов – в корне меняют свои свойства, несут людям не избавление, а муки и смерть, например озеро (море) не описывается как прохладный водоем – его чаша заполнена либо кровью, либо горькой, как полынь, кипящей водой (в которую сами лезут баптисты) или огнем [Боганева 2010: 132–133]. Тема страданий людей в результате природных катастроф нередко дополняется мотивом эсхатологической войны, которая может связываться с будущим нашествием инородцев (чеченцев либо китайцев – *жёлтые народы* напоят своих лошадей в пограничной реке Буг). Переживание массовым сознанием реалий современности и исторического опыта нередко моделируется в образах апокалиптических коней, наделенных традиционной фольклорной символикой (цветовой, персонажной, акциональной и др.). Например, рассказывают, как Агнец (Иисус Христос) взял книгу Иоанна Богослова и стал снимать 7 печатей. Снял первую печать (т.е. открыл эсхатологическую эпоху, соотнесенную с революцией 1917 г.) – явился конь белый с всадником, имевшим лук и венец победы – это Ленин, победивший царя. После снятия второй печати явился рыжий конь, на котором был всадник с большим мечем, ему было дано забрать с земли мир – это репрессии, *данасілі адзін на аднага, во відзіш, як і цяпер убіваюць друг друга, збываецца ета ўсё*. После снятия третьей печати явился вороной конь, на котором был всадник с весами и меркой – *эта значыць будзець важыць. Эта калхоз – малая плата падзённікам, трудадні*. Потом явился бледный конь и за ним смерть – *немецкая война*. Снял пятую печать – *пайдуць на нас чэчэны... будуць грабіць, будуць убіваюць людзей каго пупала*. Только белорусская природа, лес, укроет, как это было во все войны, своих детей от оккупантов. Чеченцы дойдут до Белого и Черного моря, и *там усе чыста пагібнуць*. Результатом сильного безбожия станет также *семільнае страшнае землетресеніе*, которое будет продолжаться три часа и все, *што только есць*, перемешает с землей. Интересно, что среди объектов, стертых с лица земли, называются только те, что производят блага цивилизации, – фабрики, заводы. Из культурных предметов останется только одежда на людях (при этом третья часть человечества погибнет). После это явится красный дракон с печатью ббб. Тем, кто не согласится быть клеймённым, он отрубит головы, но этого не надо бояться, т.к. Бог им вернет головы. После снятия последней печати явятся семь ангелов с чашами, наполненными язвами. После изливания этих чаш в воздух и воду живое станет мертвым, чистое нечистым, полезное, пригодное для использования человеком и животными превратится в непригодное, вредное. *Усё адушаўлёнае ў вадзе ўмрець, кроўю вада здзелаіцца, во* [Боганева 2010: 130–131].

Эсхатологическая катастрофа может представлять в разных формах: как всемирное землетрясение, сожжение мира огнем, потопление водой, столкновение Земли с планетай. Чаше упоминаются горящие земля, вода и небо: *Па земле пайдуть мерзость и запущение, и вайна будеть, земля и вада и аблака будут гареть* [Белова 2004: 399]. В народных рассказах можно реконструировать инверсию членов семиотических оппозиций *верх/низ, стабильность/шаткость*: небо упадет на Землю либо стоящая на воздухе Земля упадет и исчезнет вовсе *і больш нікагда ні ўстаня* [Боганева 2010: 131]. Может подчеркиваться, что судьба всего человечества на Страшном Суде будет зависеть от *живой Природы* – она отвернется от людей в наказание за их грехи: *...І за імі паследуе многа народу – ад края да края Зямлі, но іх не прыме жывая Прырода на Страшным Хрыстовом Судзе* [Боганева 2010: 131]. У жителей граничащей с Беларусью гмины Бельск Подляшский бытует предствление, что конец света ожидает только людей. Так, жительница Денисок на мой вопрос о конце света отвечает:

Говорылі, што пры канці жыцця, бо свет быў і будэ (!), людскога, то всяк будэ, всяк. Беды будут: і біці, і біці шэ, і рэзаці. І так было, і е, і будэ. [А калі канец свету будзе?] – А хто знае... А дэ ж канец света будэ? Людям то так [будзе канец]. А свет быў і будэ... А дэ ж Господь падэнется, нэбо всё, дэ? [ФА].

В разных регионах Беларуси верят, что не все люди предстанут пред Страшным Судом. Считают, например, что женщина, умершая от родов, и человек, убитый молнией, – счастливыцы, т.к. не пойдут на Страшный Суд. Убитый громом *не встанет. Гром бье сатану, [который] в чэловеке сидит. Чэловек погіб чэрез Бога* [Белова 2004: 402].

С представлениями о Страшном Суде связан ряд предписаний и запретов, в первую очередь в сфере похоронной обрядности:

Трэба ж одэнуті [памерламу] всё так, як і вдэваліса: пыд ніз маечку ну і сподніцу з рубашкою на змену. Бо ж на Страшны Суд ідтэмэ – коб змена була. Бо в тэй жэ не пэйдэ, шо захавалі. Да трэ в другэй. Да хустку, полотенцэ, коб было чым втэртіса [ФА; Озаричи Калинковичского р-на Гомельской обл.]; *Возьмутъ наволоку, напхаютъ сіна, да і вся подушка. Пірье ны ложать, бо ек людэ будутъ уставаты на Страшный Суд, ек будэ судыты Бог живых і мёртвых, да встанэ, да всё пірье будэ на голові, на косях, да будэ іті, бы тое лякало* [ФА; Глинна Ивановского р-на].

На кладбищах Березовского района нам довелось видеть в одной оградке две могилы, кресты на которых стояли в разных направлениях – информант объяснил,

что там похоронены люди головами в противоположные стороны, чтобы вставая на Страшный Суд родственники могли подать друг другу руки.

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении современных белорусских сельских эсхатологических нарративов показывает, что они еще сильно мифологизированы и характеризуются мощным религиозно-нравственным основанием. Традиционные апокалиптические символы и сюжеты органично переплетаются с рационалистическими представлениями об экологической и социальной катастрофе, и находят в последних свое логическое объяснение. И в мифологизированных, и в рационалистических трактовках ответственность за конец света – всемирную катастрофу, которая может быть вызвана как сверхъестественными, так и естественными или техногенными причинами, непосредственно либо опосредованно возлагается на людей-грешников (в различном понимании греха). Хотя на вопрос о том, когда наступит конец света чаще можно услышать ответ типа: *Гусподь е знае кулы будэ кунэць світу* [ФА; Скоки Брестского р-на], настоящее для рассказчиков время – это *начало конца*, эпоха хаоса, активизации сил зла, деградации природы и человека, причем отступившие от веры люди *с каменными сердцами* это считают нормой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белова 2004:** Белова, О. [сост.]. *„Народная Библия“: Восточнославянские этиологические легенды*. Москва, 2004.
- Бессонов 2010:** Бессонов, И.А. *Русская эсхатологическая легенда: источники, сюжетный состав, поэтика*. Автореферат дис. канд. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 2010.
- Боганева 2010:** *Беларуская „народная Біблія“ ў сучасных запісах*. Уступ. артыкул, уклад. і камент. А.М. Боганевай. Мінск, 2010.
- Валодзіна 1997:** Валодзіна, Т.В. *Нацыянальная арнітаморфная сімволіка беларусаў*. В: *Славянскія культуры: гістарычны вопыт і сучасныя праблемы*. Мінск, 1997, 200–209.
- Громов 2003:** Громов, Д. *Фольклорныя тэксты о „ранешней“ Библии*. – *Живая старина*, 1/2003, 42–44.
- Желтикова – Гусев 2011:** Желтикова, И.В.; Гусев, Д.В. *Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология*. Орел, 2011.
- Мелетинский 1998:** Мелетинский, Е.М. *Избранные статьи. Воспоминания*. Москва, 1998.
- Мельникова 2003:** Мельникова, К. *Ожидания от книги. К вопросу о роли Библии в народной культуре*. – *Живая старина*, 1/2003, 39–41.
- ФА:** *Фольклорно-этнографический архив учебной фольклорно-краеведческой лаборатории БрГУ имени А.С. Пушкина*. Руководитель – проф. И.А. Швед.